

Петербург Анны Ахматовой

Петербург Ахматовой: семейные хроники. Зоя Борисовна Томашевская рассказывает. СПб.: Невский Диалект, 2001. — 192 с.: ил.

Санкт-петербургское издательство «Невский Диалект» в 2001 г. начало публикацию новой серии «Петербург Ахматовой». Эта книга открывает наряду с уже закрепившимися понятиями Петербурга Пушкина, Достоевского, Блока и новое — Петербург Анны Ахматовой.

Этот город, действительно, сыграл важную роль в жизни поэта. Таким образом, серия «Петербург Ахматовой» — это попытка воспроизвести облик Ахматовой, ее жизнь в Петербурге глазами ее знакомых. И не случайно первый выпуск представляет собой воспоминания архитектора-художника Зои Борисовны Томашевской.

З. Б. Томашевская — дочь известных историков литературы и текстологов Бориса Викторовича Томашевского и Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской. Долгое время эта семья жила в писательском доме на канале Грибоедова, 9. Дочь Б. В. Томашевского стала свидетелем жизни многих замечательных людей. Особое место среди них занимает Анна Ахматова. С семьей Томашевских ее связывала «большая многолетняя дружба».

Между Анной Ахматовой и Борисом Викторовичем Томашевским было много общего: любовь к Петербургу, увлечение его архитектурой, изучение жизни и творчества Пушкина. Об этой дружбе говорят письма, телеграммы, надписи на книгах, записные книжки Ахматовой, телеграмма-соболезнование по поводу кончины Б. В. Томашевского: «Горько оплакиваю великого ученого, благодарю друга».

С женой Бориса Викторовича, Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской, у Ахматовой сложились совершенно особые отношения, чему подтверждение телеграмма, отправленная Анной Андреевной к Крым в 1964 г. Ирине Николаевне: «= умоляю беречь себя вы у меня одна спасибо за письмо = ваша ахматова».

Весной 1963 г. А. А. Ахматова подарила И. Н. Медведевой-Томашевской машинописный экземпляр «Реквиема» с подписью и пометками, сделанными ее рукой.

Дом Томашевских очень часто становился и домом поэта. В этой обстановке и произошло сближение Анны Ахматовой и Зои Борисовны. Однако их отношения не были дружбой. З. Б. Тома-

шевская часто признавалась, что приезжала к Ахматовой по делу, всегда торопясь, что, по-видимому, и придавало особый, «деловой», оттенок их отношениям. Анна Андреевна не раз прибегала к помощи Зои Борисовны, а та, в свою очередь, становилась невольным свидетелем жизни поэта.

Архитектор по профессии, в годы перестройки З. Б. Томашевская стала одним из инициаторов создания Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, куда передала значительную часть семейного архива. Она же подготовила проект экспозиции школьного музея поэта в селе Градницы Калининской области, создававшегося в 1984 г. по инициативе ахматоведа М. М. Кралина, и подарила будущему музею несколько мемориальных вещей. К сожалению, музей так и не был создан в связи с замечанием секретаря Союза писателей СССР А. А. Суркова о том, что «постановление 1946 года не отменено. Никакого музея быть не может». В 1991 г. это здание получило название «Дом Поэтов», но официального статуса музея не имеет.

З. Б. Томашевской впервые в Советском Союзе была опубликована поэма Ахматовой «Реквием» в журнале «Октябрь» в 1987 г.

Напомним читателю, что воспоминания З. Б. Томашевской уже не раз публиковались. В 1989 г. в журнале «Октябрь» появилась ее статья «Я — как петербургская тумба». Год спустя эти же воспоминания с некоторыми изменениями были опубликованы в ленинградском сборнике «Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма». В числе публикаций З. Б. Томашевской и статья «История одного рисунка», посвященная судьбе принадлежавшего Ахматовой рисунка Амедео Модильяни. Статья опубликована на французском языке в переводе Вероники Шильц «Histoire d'un Dossin» в издании: Anna Akhmatova. La Revue de Belles-Lettres Geneve, 1996.

Книга «Петербург Ахматовой: семейные хроники. Зоя Борисовна Томашевская рассказывает» — последняя в этом ряду работа, отличающаяся рядом деталей от того, что говорила мемуаристка раньше. Это итоговая работа, созданная на основе расшифровки магнитофонных записей выступлений З. Б. Томашевской в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и ее бесед с научными сотрудниками музея. Исключение составляет рассказ «О последних днях и похоронах Анны Андреевны Ахматовой», написанный З. Б. Томашевской по просьбе сотрудников музея. Таким образом, эта книга является разножанровой по составу.

Сравним воспоминания З. Б. Томашевской, вышедшие в

1990 г. в сборнике «Об Анне Ахматовой», и журнальный вариант той же статьи. Высказывание Б. В. Томашевского об Анне Ахматовой («Анна Андреевна — королева, которая тщательно это скрывает») впервые появилось в журнале «Октябрь», как, впрочем, и воспоминания Анны Ахматовой о Томашевском («В этом человеке скрывались тонны нежности»). В последующих работах З. Б. Томашевская не упоминает этих слов, столь ярко характеризующих отношения Ахматовой и Томашевского.

В статье 1989 г. Томашевская вспоминает, что в 1964 г. Анна Ахматова подарила ее матери, И. Н. Медведевой-Томашевской, икону «Богородица целительница» — «подарок Гумилева в годы, когда Ахматова много болела и думала, что ее постигнет участь сестер». В воспоминаниях 1990 г. З. Б. Томашевская также пишет об иконе «Исцеление Богородицы». В последних же воспоминаниях Томашевская рассказывает: «А когда мама приехала в Ленинград, Анна Андреевна подарила ей икону «Всех скорбящих Радость», которую она сама называла «Исцеление Божьей Матери»».

Разногласия в тексте становятся еще более очевидными при описании эпизода в «Бродячей Собаке», известном артистическом кабаре в Петрограде. Анна Ахматова неоднократно рассказывала об этом случае своим знакомым. Пересказ его есть, например, в воспоминаниях Л. К. Чуковской. Сама Анна Андреевна описала это событие в статье «Последние полчаса в “Собаке”»: «Это было так. Б. В. Томашевский зашел за мной, чтобы отвести меня на канал Грибоедова в сент<ябре> 1941 к дворику Моисею в бомбоубежище. Мы на Мих<айловской> площади вышли из трамвая. Тревога! — всех куда-то гонят. Мы идем. Один двор, второй, третий. Крутая лестница. Пришли. Сели и одновременно произнесли: “Собака”». З. Б. Томашевская также упоминает об этом эпизоде, причем не только неверно цитирует Анну Ахматову, но и противоречит самой себе. В сборнике «Об Анне Ахматовой» она пишет: «В “Наброске” — более драматично:

«Мы на Михайловской площади вышли из трамвая. “Тревога”. Всех куда-то гонят. Мы где-то. Один двор, второй, третий, крутая лестница. Пришли. С ним одновременно произнесли: “Собака”».

А в книге «Петербург Ахматовой» читаем: «Борис Викторович зашел за мной, чтобы отвести на канал. На Михайловской вышли из трамвая. Тревога! Перебежали площадь... Один двор, второй, третий, крутая лестница ... Вместе сказали: “Собака!”».

Однако З. Б. Томашевская оказывается невнимательной не только к воспоминаниям Анны Ахматовой, но и к своим собственным. Передавая рассказ своего отца о «Бродячей Собаке» в 1990 г., она писала: «В третьем дворе спустились в бомбоубежище». А в последних воспоминаниях мы читаем: «Во втором дворе спустились в подвал». А далее и вовсе оказывается, что «третьего двора в этом доме нет и лесенка небольшая». Остается непонятным, как же в первых изданиях рассказчица «просчиталась» и только спустя десять лет смогла проверить точность своих же слов.

Комментарий последней работы З. Б. Томашевской не отмечает подобные расхождения с предшествующими воспоминаниями и в данном случае приводит лишь запись Анны Ахматовой о «Бродячей Собаке». Следует подчеркнуть, что в комментарии (при его составлении большая помощь была оказана Л. С. Гейро, черновая версия была просмотрена Р. Д. Тименчиком) в большинстве случаев искажения фактов З. Б. Томашевской не отмечены.

Примечательными являются воспоминания Зои Борисовны, связанные с именем Владимира Георгиевича Гаршина. Так, например, в журнальном варианте своих воспоминаний Томашевская рассказывает, что Владимир Георгиевич подарил Ирине Николаевне Медведевой-Томашевской двенадцать книг «Жития святых», сказав, что получил их от Ахматовой. Этот интересный факт остается незамеченным в последующих вариантах воспоминаний. Однако в книге «Петербург Ахматовой» на с. 181 в «Каталоге материалов, переданных Зоей Борисовной Томашевской в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме» под номерами 126—137 читаем: «Минеи Четьи. Книга жития святых. Январь—Декабрь. В 12-ти кн. М., 1898».

В своей последней книге З. Б. Томашевская вспоминает и о первом появлении В. Г. Гаршина в доме Томашевских, когда там была А. Ахматова. Там же, на с. 31 читаем: «Он (В. Г. Гаршин. — М. Б.) фактически сошел с ума, лежал в психиатрической больнице...» Комментаторы дают следующие сведения: «Представление о том, что Гаршин в состоянии сумасшествия отказался от брака с Ахматовой, закрепилось среди друзей и знакомых Ахматовой, не встречавшихся с ним ни перед описанными событиями, ни после них». З. Б. Томашевская была знакома с Владимиром Георгиевичем и встречалась с ним только до разрыва отношений между ним и А. А. Ахматовой. Но они ни разу не виделись после эвакуации из Ленинграда. Таким образом, слова Томашевской о сумасшествии В. Г. Гаршина основаны лишь на слухах.

В своих последних воспоминаниях З. Б. Томашевская обращается и к последней встрече Ахматовой с Гаршиным. Ее версия этого разрыва отличается от свидетельств близких Анны Ахматовой. Зоя Борисовна описала эту ситуацию так: «В Ленинград она (Ахматова) ехала — все очень об этом заботились, зная, что ее ожидает, — слава Богу, с Адмони и его женой, с которыми она очень дружила. И Адмони оказался свидетелем того, что первый вопрос, который задал ей Гаршин, был: «Куда вас отвезти?» Это был конец. Анна Андреевна восприняла это как жесточайшую обиду и беду и сняла все посвящения Гаршину в своих стихах».

Комментаторы отмечают, что это свидетельство не совсем верно, ссылаются на воспоминания В. Г. Адмони и О. И. Рыбаковой, воспроизведенные в сборниках «Воспоминания об Анне Ахматовой» и «Об Анне Ахматовой».

В воспоминаниях О. И. Рыбаковой, опубликованных в сборнике «Об Анне Ахматовой», описывается этот эпизод совершенно по-иному: «Гаршин бывал каждый день, это продолжалось недели две. И вот однажды я услышала громкий крик Анны Андреевны. Разговор оборвался. Гаршин быстро вышел из ее комнаты... Больше они не встречались...»

Однако в данном случае комментаторы не совсем верно опровергают свидетельство Зои Борисовны. Обратимся к «Мемуарам» Э. Г. Герштейн, где автор описывает все так, как вспоминает об этом З. Б. Томашевская. Слова Томашевской о сумасшествии Гаршина, вероятно, можно объяснить телеграммой А. Ахматовой, посланной Нине Антоновне Ольшевской 6 августа 1944 г.: «Гаршин тяжело болен психически расстался со мной сообщаю это только вам Анна». Таким образом, комментарий оказывается не вполне точным, так как не упоминает этого очень важного свидетельства.

Из воспоминаний З. Б. Томашевской остается непонятной и ситуация с рисунком Амедео Модильяни. Томашевская утверждает, что в годы войны этот рисунок находился у нее, а в 1945 г. Анна Ахматова отдала ей его в награду за то, что все вещи остались целы. И только в 1956 г. рисунок был возвращен поэту. Комментируя эти воспоминания, исследователи ссылаются на воспоминания самого поэта, писавшего в очерке «Амедео Модильяни»: «Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни, в ноябре 1945 года в Фонтанном Доме...». Этим «первым иностранцем» был Исайя Берлин, английский историк, философ и литературовед, побывавший в гостях у

Ахматовой в ноябре 1945 г. Об этом он написал в своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Воспоминания об Анне Ахматовой»: «В комнате..... над незажженной печкой — рисунок Модильяни». Вопреки этим воспоминаниям, Зоя Борисовна продолжает утверждать обратное, бросая тень на точность таких мемуаристов, как К. И. Чуковский, видевший рисунок «припиленным булавками» в комнате на Ордынке, Исая Берлин, а также на таких «небрежных мемуаристов», как Алигер и многие другие. Эти строки остаются не прокомментированными.

Имя Корнея Ивановича Чуковского появляется в последних воспоминаниях Зои Борисовны в связи с вопросом из аудитории об отношении З. Б. Томашевской к «Запискам об Анне Ахматовой» Лидии Корнеевны Чуковской. Отношение Зои Борисовны к этой мемуаристке весьма противоречиво. Так, в воспоминаниях, опубликованных в 1989 г., она пишет: «О Лидии Корнеевны Чуковской знают все. Она была не только другом..... В этом (в том, что она вела дневник) Лидия Корнеевна — истинная дочь своего отца». В последней книге воспоминаний читаем: «Я восхищаюсь этой женщиной. Но так как я очень хорошо знала и очень любила Анну Андреевну, то ... Ну, это не секрет, я и самой Лидии Корнеевны сказала: «Это не Анна Андреевна» Лидия Корнеевна сама императивная, гневная — и такой она сделала Анну Андреевну. Невольно. Хотя Анна Андреевна была совсем иной. Облик ее совершенно не тот».

В подтверждение этому она приводит высказывание Лидии Яковлевны Гинзбург, которая, оказывается, думала так же. Комментаторы не дают никакого опровержения или подтверждения этим словам и не приводят высказывания Л. Я. Гинзбург. Указывается лишь, что Лидия Корнеевна Чуковская — автор трех томов «Записок об Анне Ахматовой» и ее друг с 1938 г. Однако остается неотмеченным вклад, который был сделан Лидией Корнеевной в историю ахматоведения, что, однако, не мешает комментаторам постоянно ссылаться на работу Лидии Корнеевны и цитировать ее «Записки».

Не объясняется комментаторами и искажение З. Б. Томашевской фактов жизни самой Лидии Корнеевны. Диалоги, приводимые Томашевской, часто оказываются вымышленными. Так, разговор Корнея Ивановича с дочерью на вокзале, приведенный в книге, не мог происходить. К. И. Чуковскому не надо было спрашивать: «Как Матвей? Что он?», так как он присутствовал при обыске после ареста М. П. Бронштейна (мужа Л. К. Чуковской), к тому же он никогда не называл М. П. Бронштейн-

на Матвеем, в семье его звали Митя. Этот вымысел имеет в своей основе искаженный пересказ книги Л. Чуковской «Памяти детства».

Еще один вымысел содержится в воспоминаниях З. Б. Томашевской, касающихся знакомства А. Ахматовой с А. И. Солженицыным. По словам мемуаристки, встреча произошла у Ники Глен. Комментарий указывает, что в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится сделанная в июне 1996 г. магнитофонная запись беседы А. И. Солженицына с сотрудниками музея и литературоведом и радиожурналистом Л. С. Дубшаном. Становится ясным, что их знакомство произошло в доме М. С. Петровых, что подтверждают и воспоминания Л. К. Чуковской.

Это далеко не все неточности и «вымыслы», проникшие в повествование З. Б. Томашевской. К сожалению, комментарий, как мы видим, не вполне точен. Противоречиво и само название серии, которое в аннотации к книге звучит как «Петербург Ахматовой: семейные хроники», а в предисловии Н. Поповой — «Музеи Санкт-Петербурга к 300-летию города». Надеемся, данное противоречие будет разрешено в последующих выпусках издания.

Все же первый выпуск серии интересен отделом «Каталог материалов, переданных З. Б. Томашевской в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме». Здесь множество фотографий, книг, памятных предметов, автографов Анны Ахматовой, дополненных подробными описаниями.

В последнее время в печати появляются новые материалы, связанные с именем Ахматовой. Издательство «Невский Диалект» внесло свой вклад в работу над созданием биографии А. Ахматовой. К сожалению, он не во всем является достоверным с научной точки зрения. Однако воспоминания З. Б. Томашевской содержат и много интересных, хотя и не бесспорных фактов.

М. И. Барыкова